

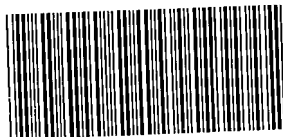
Бразговский Филипп Сергеевич

**РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ В КУЛЬТУРЕ РАННЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Специальность: 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии**

005061481

13.07.2013

**Санкт-Петербург
2013**

Бразговский

Работа выполнена на кафедре культурологии и искусствоведения
Частного государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования
«Русская христианская гуманитарная академия»

Научный руководитель

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
культурологии и искусствоведения Русской христианской гуманитарной
академии

Хлевов Александр Алексеевич

Официальные оппоненты:

доктор культурологии, профессор, профессор Федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Российского государственного
педагогического университета им. А.И. Герцена»

Никифорова Лариса Викторовна

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры связей с
общественностью в политике и государственном управлении Санкт-
Петербургского государственного университета

Дорский Андрей Юрьевич

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский
государственный университет культуры и искусств»

Защита состоится «3» июня 2013 г. в 18 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.199.23, созданного на базе Федерального
государственного бюджетного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена», по адресу: 197046, г. Санкт -
Петербург, ул. Малая Посадская, д. 26 ауд. 317.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке
Российского государственного педагогического университета им.
А. И. Герцена, 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48, корпус 5.

Автореферат разослан «26» апреля 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат культурологии

В.Н. Бондарева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено выявлению характера и способов репрезентации концепта *власть* в иконографических и историкографических текстах раннего Средневековья.

Актуальность исследования. Концепт *власть*, как объект интеллектуальной истории, играет ключевую роль в становлении культуры, выступая её сущностным атрибутом. На всём протяжении европейской истории *власть* остаётся одним из тех понятий, к которым, начиная с Античности, обращено пространство гуманитарных исследований. Как и любое концептуальное понятие, *власть* существует в форме своих репрезентаций. Репрезентация любых идеальных объектов в культуре происходит как знаковый процесс, в ходе которого абстрактное представление получает текстовую актуализацию. Между концептуальным представлением (о власти) и его текстовой актуализацией устанавливаются отношения относительного изоморфизма. Каждая эпоха по-новому осмысляет проблему власти в соответствии со своим уровнем научного и социального развития, выбирая новые формы «трансляции» этой идеи. В связи с этим представляется значимым и интересным определить *инварианты* механизма репрезентации власти в различные эпохи, а также характерные *особенности* актуализации идеи власти в текстах средневековой культуры.

Интерес к проблеме репрезентаций и её актуальность определяются также рядом иных факторов. Прежде всего, это обращение гуманитарных дисциплин эпохи «кризиса репрезентаций» (Х.Й. Зандкюлер) к проблемам *эпифании* как явления мира человеку (Х.У. Гумбрехт). Также это значимость вопросов онтологии «фиктивной реальности», истинности интерпретаций и переводов (У.Эко) и др.

Власть – крайне широкое и многогранное понятие, которое в культуре репрезентируется посредством текстов, созданных на различных языках семиосферы и функционирующих *по принципу дополнительности*. Обращение к теме культурных репрезентаций в контексте этого принципа также актуально для современного пространства междисциплинарных гуманитарных исследований.

Объект исследования: система представлений о власти в культуре раннего Средневековья. Наше внимание обращено к семантическому пространству концепта *власть* в указанный период интеллектуальной истории.

Предмет исследования: способы и характер репрезентации власти в вербальных и визуальных текстах культуры раннего Средневековья.

Цель исследования: выявить механизмы репрезентации власти в текстах раннего Средневековья. По существу, речь идёт о степени «доступности» идеи власти для человека Средневековья / современного человека и о средствах, обеспечивающих эту «доступность».

Задачи исследования:

1) определить понятие «репрезентация» с точки зрения ряда гуманитарных наук – семиотики, лингвистики, психологии и др., выявив

зоны их пересечений в подходах к данному процессу. Определить функциональное назначение репрезентаций в когнитивном отображении мира и становлении культуры;

2) представить наиболее значимые концепции власти в истории, философии и культурологии;

3) классифицировать способы репрезентации власти в анализируемом материале;

4) провести сопоставительный анализ механизмов репрезентации власти в вербальных и визуальных текстах. Выявить степень соотношения вербальных и визуальных репрезентаций в культуре раннего Средневековья;

5) представить системный характер репрезентации власти в исторических источниках анализируемого периода;

6) определить семиотический характер репрезентации власти в эпоху Средневековья, учитывая символизм сознания человека этой эпохи.

Степень разработанности проблемы.

Как предмет философского и исторического исследования, концепт *власть* изучен достаточно хорошо. На всем протяжении своей истории Европа проявляла устойчивый интерес к вопросу о формах власти, её функциях, критериях её эффективности и др. Круг проблем, связанных с изучением характера функционирования власти, во многом был очерчен ещё в Античности. Платон и Аристотель стремились определить идеальную форму власти, а также дать её моральное обоснование. Средневековье восприняло эту тему в собственном ему религиозном ключе, добавив в осмысление концепта *власть* проблематику взаимоотношений человека и Бога, человека и человека.

Сегодня пространство гуманитарных исследований сосредоточено не столько на философском содержании данного концепта (идее власти как таковой), сколько на изучении структуры власти, форм её функционирования в социальных системах и отдельных культурах. Отметим, что на данный момент в российской гуманитарной науке наметилась *тенденция междисциплинарного подхода* в изучении проблем власти и способов ее репрезентации. Все больше исследователей работают в области семиотического осмысления власти и связанных с ней вопросов. В последние годы появился целый ряд работ, осмысляющих эти проблемы на стыке различных гуманитарных дисциплин (Н.А. Хачатурян, О.С. Воскобойников, М.А. Бойцов, С.В. Санников, П.П. Шкаренков, И.Ю. Николаева, И.Я. Эльфонд). Так, М.А. Бойцов подробно осветил проблему средневекового символизма и его выражения в различных текстах культуры: вербальных, визуальных, социальных (ритуалы). В работах О.С. Воскобойникова представлен семиотический анализ функционирования власти на примере королевского двора эпохи Средневековья.

Анализ репрезентаций, понимаемый как метод описания историографического источника, нашёл отражение в целом ряде работ (О.С. Воскобойников, М.А. Бойцов, С.В. Санников, П.П. Шкаренков, А.И. Сидоров). Однако сам механизм / алгоритм репрезентации ключевых

концептов культуры (в частности, власти), а также метод анализа таких репрезентаций остаются малоизученными. В частности, это связано с амбивалентностью самого понятия *репрезентация*, с тем, что репрезентации осуществляются с использованием более чем одного языка культуры и др.

Положения, выносимые на защиту:

– Репрезентация, как когнитивный процесс, обеспечивает создание текстовых картин мира, или представлений об универсальных абстрактных объектах, нашедших воплощение в текстах культуры. Репрезентация происходит как коммуникативный акт, включающий ряд составляющих: интенцию субъекта, выбор языка культуры, выбор семиотического способа отображения абстрактного референта, выбор жанра. Также в репрезентацию включается реакция реципиентов на характер и способ трансляции идеи в пространстве культуры.

– Репрезентация власти, как и любого абстрактного представления, происходит при участии *нескольких* языков семиосферы. Во-первых, это объясняется тем, что каждый из языков культуры имеет свои репрезентативные «возможности», и репрезентативный потенциал языков культуры не совпадает. Например, вербальный язык позволяет создать номинации для составляющих концепта «власть», тогда как язык визуальной коммуникации помогает актуализировать их в зрительно воспринимаемом образе, что делает репрезентацию в большей степени эффективной. Ни один язык не является «зеркалом мира» и не соотносится с реальностью напрямую. Кроме того, в центре семиосферы всегда представлена бинарная оппозиция двух языков, наиболее значимых для каждого периода культуры (вербальный язык – язык живописи, вербальный – архитектура и т.д.). В эпоху раннего Средневековья в актуализации идеи власти наиболее активно использовались вербальный язык и язык визуальных коммуникаций.

– С семиотической точки зрения, репрезентация власти в эпоху раннего Средневековья происходит как многоступенчатый знаковый процесс. В числе основных этапов – иконическое отображение атрибутов, или качеств, которые в данном обществе рассматриваются как имеющие прямое отношение к власти. Далее – символизация, наделение этих качеств и атрибутов символическим значением. На этом этапе репрезентация становится способной к собственно «замещению» правителя: между репрезентацией власти и самой властью возможен знак равенства. В механизме репрезентации власти, по отношению к любым эпохам, можно выделить инвариантные составляющие. На примере механизма репрезентации абстрактных идей (концептов) можно изучать механизмы смыслообразования в культуре.

– Как визуальные, так и вербальные репрезентации имеют целью создание и распространение образа идеального правителя. Однако вербальные репрезентации позволяют также сделать привязку образа к конкретному человеку или эпохе, в то время как визуальные репрезентации скорее создают собирательный, безличный образ, актуализируя представление о власти как таковой.

-- Для интерпретации репрезентаций ключевое значение имеет дискурс или контекст их функционирования. Вне контекста репрезентация оказывается знаком с неопределённой семантикой. Дискурс-анализ мы рассматриваем эффективный и значимый способ анализа репрезентаций, поскольку он позволяет сделать культурный, исторический и другие контексты полноправным элементом исследования.

Научная новизна исследования:

1) На основе анализа вербальных и визуальных текстов раннего Средневековья, а также современных научных работ воссоздан образ власти эпохи раннего Средневековья. Показано, что идеализированный образ правителя использовался как обоснование легитимности правления короля.

2) Определены инварианты (составляющие семиотического механизма) репрезентации власти в культуре раннего Средневековья (иконическое отображение атрибутов и характеристик власти с их последующей символизацией).

3) Проведены семиотический и дискурс-анализ вербальных и визуальных текстов раннего Средневековья. Данные источники проанализированы не как изолированные артефакты культуры, но как пространство, в котором власть творчески решала поставленные перед ней задачи, как то: формирование собственного образа, понятного современникам, трансляция собственного образа (*репрезентация*), легитимация своего образа, идеологическая борьба с соперниками и др.

Теоретическая и методологическая основа исследования.

При разработке общей концепции работы методологическими ориентирами послужили основные идеи и принципы культурологи, философии, социологии культуры, культурной и социальной антропологии.

Основным методом анализа выбран *семиотический подход*, позволяющий на материале конкретных текстов описать механизм репрезентаций власти в пространстве средневековой культуры. Помимо этого, в ходе семиотического анализа можно доказательно обосновать положения о знаковом характере средневековой картины мира в целом и образа правителя, в частности (иконизм, устойчивая символизация и др.), а также сделать вывод об относительном изоморфизме между текстами, транслирующими идею власти, и реальностью.

Дискурсивный анализ позволяет привлечь к исследованию широкий культурный контекст, рассмотреть феномен власти в «непривычной» для него среде (не политического). Дискурсивный анализ необходим, поскольку репрезентации рождаются именно в широко понимаемом контексте культуры и без него не могут быть интерпретированы. В целом, речь идёт о необходимости исторического и культурологического описания контекста, в котором функционирует идея власти.

Использование *структурно-функционального подхода* позволило рассматривать анализируемые источники-тексты как систему, в которой каждая из составных частей имеет собственную семантику, композиционную нагрузку и функциональное назначение. Для описания сущностных черт

культуры раннего Средневековья использовался *метод моделирования* (О. Шпенглер). К более частным методам в рамках данной работы относятся следующие:

- метод *референциального анализа*, служащий для определения онтологической природы отображаемого референта и степени «прозрачности» (У. Куайн), или определённости указания на референт;

- *психологический и сопоставительный методы*, дающие возможность в ходе анализа мемуаров, хроник, трактатов определить / с большей вероятностью предположить типические реакции людей эпохи Средневековья и современности на способы репрезентации власти.

Теоретическую базу данного исследования составили работы в области семиотики культуры (Лотман 1996; Кристева 2004; Эко 1994, 2006), нарративной историографии (Анкерсмит 2009), истории и эстетики средневековой культуры (Сидоров 2006; Блок 2003, Гуревич 1999), семиотики власти Средневековья (Бойцов 2009; Хачатурян, 2006), лингвистики репрезентаций, проблем референции, когнитивистики (Барт 2001; Арутюнова 1982) и др.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании необходимости анализировать *механизм репрезентации* концепта «власть» с междисциплинарных, прежде всего, – семиотических, позиций. В работе дано теоретическое осмысление проблемы репрезентации абстракций: определены функции репрезентаций (власти) в культуре; выведена зависимость между семантикой абстрактной единицы и выбором семиотического способа репрезентации, выбором языка репрезентации и «коммуникативным потенциалом» (Б. Гаспаров) итоговой репрезентации. Показано, что изучение наиболее «активных» и воспроизводимых репрезентаций (власти) является ключом к пониманию культуры.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что материалы работы могут быть использованы в интерпретации исторических и художественных текстов, а также в преподавательской практике в качестве материалов для курсов по истории Средневековья, семиотике культуры, общей семиотике, философии языка (в анализе вопроса о репрезентации абстракций), семиотическому анализу вербальных и визуальных текстов. Результаты работы по репрезентации констант пространства культуры могут найти воплощение также в работах по исследованию современного политического дискурса.

Апробация исследования. Материалы и результаты проведённого исследования нашли отражение в докладах, сделанных на Всероссийских и Международных конференциях в г. Перми (2012), г. Вологда (2012), г. Сыктывкаре (2012), г. Санкт-Петербурге (2009, 2010, 2011). Основные положения работы обсуждались на заседаниях кафедры культурологии и искусствоведения частного образовательного учреждения «Русская Христианская Гуманитарная Академия». Результаты исследования представлены в 6 публикациях, две из которых включены в перечень рецензируемых журналов.

Структура диссертации определена поставленными целью и задачами исследования и состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка литературы, иллюстративного приложения. Общий объем диссертации составляет 184 страницы, библиографический список литературы состоит из 161 источника, в числе которых – 27 – издания на иностранных языках, 7 интернет-ресурсов. Список текстов, послуживших материалом исследования, содержит 5 историографических источников. Приложение содержит 10 иллюстраций.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность исследования, определяются его объект и предмет, формулируются цель и задачи, описываются методы, раскрывается новизна и практическая значимость, приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе – «Репрезентация как проблема современных гуманитарных исследований» – рассматриваются основополагающие для данной работы понятия *репрезентация*, *референция*, *образ*, *актуализация*. На системе этих понятий в дальнейшем будет основываться анализ того, как средневековая культура транслировала представления о власти, какой образ этой идеи она создавала.

Репрезентация – это знаковый процесс, в ходе которого происходит «представление одного в другом и посредством другого»¹. Круг проблем, связанных с феноменом репрезентации, весьма широк. Прежде всего, это инструменты и способы репрезентации (языки отображения, тексты), изучение характера истинности репрезентаций, степени их коммуникативной «эффективности» и др. Анализ этого процесса происходит в рамках различных наук, каждая из которых выделяет собственный исследовательский аспект. В частности, философия, литературоведение, историография, психология активно используют понятие *репрезентация*, но при этом трактуют его неодинаково. С одной стороны, парадокс семантической множественности терминологии – общая проблема гуманитарных наук. С другой стороны, анализ семантического наполнения термина «репрезентация» в рамках различных наук позволяет определить границы и возможности этого процесса в культуре в целом.

В лингвистике репрезентация рассматривается в связи с общими вопросами теории референции. Это, прежде всего, проблемы соотношения языковых знаков с денотатами, или предметами реального мира (Н.Д. Арутюнова, Ш. Балли, М.В. Лебедев, А.З. Черняк, Дж.Р. Серль, С.Р. Вартазарян). Основной акцент здесь ставится на описание характера замещения: знак никогда не выступает заместителем индивидуальной вещи: он всегда знак класса вещей. Также лингвисты и *литературоведы*, используя

¹ Репрезентация // Постмодернизм. Энциклопедия. – Минск, 2001. – с. 650.

«расширенную» теорию референции, говорят о репрезентации как способе создания возможного мира, текстовой картины мира (М. Кронгауз, Н.Д. Арутюнова, Ю.М. Лотман, Ю.С. Степанов).

В психологии проблема репрезентации обсуждается в связи со свойством человеческого сознания интерпретировать познаваемую реальность посредством соотнесения с уже имеющимися моделями и схемами, т.е. ментальными конструктами (О.Е. Басканский, О.Е. Кучер, М. Вартофский, А.Н. Леонтьев). Наличие в нашем опыте априорных образов порождает проблему истинности репрезентаций: какой мир мы, в итоге, воспринимаем – тот, с которым входим в контакт, или тот, который «предуготован» опытом поколений / опытом личности?

Для логиков и философов репрезентация – это модель, призванная отображать совокупность некоторых данных (М. Вартофский). В философии и историографии репрезентации рассматриваются, в частности, в рамках анализа нарратива. Историография трактует репрезентацию как форму существования истории, которая доступна нам лишь в текстах и нарративах (Ф. Анкерсмит).

Попыткам раскрыть знаковую сущность репрезентации, чаще всего – символическую, посвящены работы семиотической и структуралистской направленности (М. Ямпольский, Я. Плампер, Р. Барт, О.С. Воскобойников, М.А. Бойцов). Здесь исследуется зависимость между семиотикой отображения (иконизм, символизм, выбор языка семиосферы) и степенью коммуникативной эффективности репрезентации.

Обозначенные выше направления, по которым ведётся изучение механизмов репрезентации, несмотря на большое разнообразие теоретических установок и выбираемых инструментов анализа, оставляют всё же нерешённым ряд вопросов эпистемологического характера. Это вопросы: а) о полноте, или степени актуализации объекта репрезентации; б) о степени полноты и адекватности интерпретации текстовых репрезентаций, в том числе, и научного анализа. Проблематичность ситуации была удачно подмечена М. Вартофским: «что угодно может быть репрезентацией чего угодно»². В частности, полнота описания процесса репрезентации напрямую определяется достаточной степенью «обозримости» репрезентируемой единицы. Так, например, объект нашего исследования – концептуальное представление *власть* – настолько широк и многоаспектен, что не укладывается в рамки ни одной исследовательской парадигмы. Определение спектра значений знака «власть», функции этого феномена в истории человечества, способов его репрезентации в культуре возможно только в междисциплинарном поле, что не всегда способствует выработке точных дефиниций и окончательного разрешения дискуссии.

Процесс репрезентации, как представления и отображения фактов мира в знаках различных языков, является важнейшим и универсальным механизмом познания. Мы исходим из положения о том, что в основе

² Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. – М., 1988. – С. 30.

репрезентации, или трансляции идеи власти лежит её отображение в знаках языка / языков культуры. Процесс репрезентации включает собственно *референцию* (указание на абстрактный предмет), *семиотический способ его отображения* и создание итогового образа, замещающего в сознании реципиента идею власти. В результате эта идея получает определённую степень актуализации в культуре, поскольку языковая форма позволяет обеспечить (для говорящего и слушающего) «присутствие» абстрактного референта в акте коммуникации. При этом дискурс, или контекст репрезентации власти, задаёт определённый фокус отображению и интерпретации этой идеи. Репрезентации в форме вербальных текстов, текстов визуальной коммуникации и др. функционируют в культуре как объекты, способные «подменять» власть, выступая её полноценным заместителем в коммуникации Власть-Общество.

Репрезентация получает статус общегуманитарной проблемы, поскольку символическое пространство культуры находит свое обязательное «внешнее» выражение – *актуализацию*, в текстах, созданных на различных языках семиосферы (вербальных, языках искусств). В процессе изучения способов репрезентации власти, как и любой абстракции, происходит объединение исследовательских интересов целого ряда научных областей: культурологии, истории, семиотики, философии, теории текста. Именно поэтому задачи и методы данной работы имеют *междисциплинарный* характер.

Анализ подходов к пониманию сущности и роли репрезентаций показывает, что различные гуманитарные дисциплины рассматривают этот процесс как инструмент «открытия» мира – его эпифании, а также в качестве инструмента сохранения самотождественности культуры, становления её памяти и др. Репрезентации делают отсутствующее явленным и присутствующим.

Во второй главе – «Власть как концепт интеллектуальной истории» – осуществляется анализ эволюции концепта *Власть* в истории европейской мысли. Прежде чем говорить о механизме репрезентации власти, следует определить центральные зоны этого концепта для эпох Античности и Средневековья. В главе также представлен обзор основных теорий власти и для более поздних эпох, что и позволяет определить, какие именно представления о власти стали универсальными в интеллектуальной истории человечества.

Под властью понимается способность и реальная возможность оказывать влияние на деятельность, поведение и сознание людей. В широком смысле, власть можно определить как «выражение общественных отношений, которые обнаруживаются в навязывании социальным субъектом своей воли другим лицам или сообществам»³. Проблема власти была и

³ Моница И.А. Властолюбие как антропологическая проблема [Электронный ресурс] // Полягнозис, 2008/ - № 2(31). – URL: <http://www.polygnosis.ru/default.asp?num=6&num2=13> (дата обращения: 23.03.11).

остается одной из наиболее острых и актуальных в *социальной и политической истории*. Чтобы быть эффективной, власть должна быть не только сильной, но и легитимной, то есть соответствующей ожиданиям своих подданных.

Как универсальный концепт истории человечества, власть не может получить однозначную интерпретацию. В *интеллектуальной истории* представления о власти отражались в повседневном мышлении людей, в философских трудах и произведениях искусства. Каждая историческая эпоха, в соответствии с господствующим дискурсом, предлагала своё видение того, какие атрибуты концепта власть занимают центральное положение, а какие – периферийное. Таким образом, идея власти получает актуализацию через описание сущностных свойств этого феномена. Интерес и сложность исследования власти в том, что набор сущностных атрибутов может отличаться нетождественностью в разных временных периодах культуры.

В Античности наибольшее внимание проблема власти получила в трудах Платона и Аристотеля. Их концепции сходятся в одном: в основе власти должны лежать мудрость и всеобщее Благо. По мнению философов, власть, не основанная на мудрости и добродетели, превращается в низкую форму правления – тиранию, при которой правитель, не видя сути вещей, заботится лишь о собственной выгоде. Идеальным правителем становился, таким образом, философ, который, постигая идеи, приобретал способность к мудрому руководству⁴.

На заре Средневековья возникает теологическая концепция власти, представленная в трудах епископа Аврелия Августина. Теперь, когда Церковь занимала всё более крепкие позиции в государственной иерархии, изменились и представления об идеальном правителе. Согласно Августину, таковым мог стать лишь тот, кто основывает свое правление на христианских добродетелях и заботится не только о самих подданных, но и об их душах. Августин отстаивал идею верховенства церкви над государством. Часто он даже именуется церковью пленницей, которая вынуждена сносить несовершенство навязываемых ей человеческой властью законов. В то же время Августин считает, что церковь должна прибегать к помощи государства, которое может и должно поддерживать её в борьбе против еретиков или соперничающих религий. В обязанность христиан по отношению к христианскому правителю вменяется лояльность, а в обязанность церкви – быть наставницей правителя в гражданских добродетелях и в проповеди духа «братства».

Критикуя «власть человеческую», считая её изначально греховным явлением, Августин одновременно признавал за «избранными» (гражданами небесного града) право господствования над грешниками и своими противниками, которых они в состоянии будут победить в «справедливой войне», ведущейся по всевышнему «дозволению или указанию». В соответствии с этим изменился и образ идеального правителя. Теперь

⁴ Платон. Государство. — М., 1971. — с. 473.

таковым является тот, кто правит, соотнося свои цели с христианскими добродетелями, выстраивая власть на фундаменте Церкви⁵.

В позднем Средневековье наибольшим влиянием пользовалась потестарная теория власти Томаса Гоббса. По мнению философа, государство призвано выступать посредником между людьми и укротителем изначально агрессивных человеческих устремлений. Поскольку человек человеку волк, то государству необходимо осуществлять жёсткий контроль и прибегать к репрессивным мерам, чтобы внести в человеческое сообщество гармонию.

В современной культуре наиболее распространена идеология конституционной власти. Современные политические режимы основывают легитимность власти на соответствии важнейшему государственному документу – Конституции. Таким образом, легитимной власть является до тех пор, пока она не противоречит основному закону.

Как можно видеть, независимо от исторической эпохи государство функционирует не только благодаря своим «физическим» возможностям осуществлять контроль или репрессии, но базируется, в том числе, и на «моральных» основаниях. Этим основанием в разные эпохи выступает философия, религия или закон. Общим же остается необходимость такого идеологического фундамента, который одобряет всё общество. Таким образом, в центр концептуального представления о власти выходят, по крайней мере, три множества значений: а) сила и подавление; б) контроль, организация и сохранение целостности общества; в) моральное право осуществлять первые две функции власти. Особенность каждого отдельного периода культуры будет определяться тем, какое из множеств займёт лидирующую позицию.

В третьей главе – «Репрезентации власти в вербальных и визуальных источниках эпохи раннего Средневековья» – осуществлён анализ вербальных и иконографических текстов, транслирующих идею власти. Тексты рассматривались в качестве её репрезентаций. В ходе семиотического анализа выявлялись способы, характер и степень актуализации идеи власти в культуре Средневековья. Несмотря на то, что семиотический метод анализа обозначен нами как ведущий, он оказывается недостаточным, поскольку позволяет выявлять лишь внешние формы актуализации власти. Власть не только никогда не существует изолированно от культурного контекста эпохи, но намеренно вписывает себя в этот контекст. Именно поэтому мы видим необходимость в привлечении дискурсивного, исторического и культурологического анализов, позволяющих выявлять контекст, в котором функционировала идея власти.

Для выявления способов репрезентации власти в раннем Средневековье были использованы тексты, созданные на тех языках культуры, которые доминировали в данном периоде, – вербальном и визуальном. В качестве вербальных текстов были выбраны 5 хроник. Это

⁵ Августин Аврелий. О Граде Божием. – Мн., 2000. – С. 653.

«Жизнь Карла Великого» Эйнхарда, «Жизнь императора Людовика» Астронома, «История в четырех книгах» Нитхарда, «Деяния императора Людовика» Тегана Трирского, «Деяния Карла Великого» Ноткера. В качестве визуальных источников были использованы 10 иллюстраций (книжных миниатюр). Упомянем здесь только некоторые: «Карл Лысый» (миниатюра из «Библии Карла Лысого»), «Поднесение рукописи Карлу Лысому» (миниатюра из Библии Вивиина), «Император Лотарь» (миниатюра Евангелия Лотаря) и др.

Необходимость использования именно такого рода визуальных источников (книжных миниатюр, а не, например, архитектурных текстов), объясняется следующим образом. Нам было важно показать, что: а) каждый из языков культуры имеет свой семиотический (репрезентативный) потенциал; б) никогда идея власти не может получить какое-либо полное и окончательное воплощение в отдельно взятом языке семиосферы; в) в трансляции идеи власти языки культуры используются по принципу дополнительности. Соответственно, отсюда и возникла необходимость обращения к вербальным текстам и миниатюрам-иллюстрациям, включавшимся в вербальные источники.

Анализ вербальных источников показал, что исторические хроники раннего Средневековья относились не только к собственно историописанию, но выполняли функцию важного политического инструмента. Являясь культурой Слова, оказывая ему безмерное уважение, Средневековье очень чутко реагировало на записанное слово: всё то, что было зафиксировано на письме, приобретало особую значимость и становилось истиной. Поэтому утверждение легитимности нового политического режима или нового короля происходило, в том числе, благодаря «рассказам» и повествованиям. Также хроники служили мощным консолидирующим инструментом, поскольку, получая распространение, рассказ-нарратив создавал единое информационное пространство, объединял разрозненные политические группы. Чтобы информационное поле оказалось эффективным, хроника не могла быть только набором фактов или, наоборот, сборником прославляющих короля небылиц. Авторы активно пользовались социальными репрезентациями – знаниями, которое разделяет все общество целиком. В соответствии с этими знаниями и создавался образ идеального правителя. Так, основной задачей раннесредневекового правителя было ведение военных действий. Умело используя это знание, Эйнхард любую стычку Карла Великого гордо именует войной или приписывает ему завоевания, которых тот не совершал. Разумеется, находясь при дворе самого Карла и пользуясь королевскими летописями, Эйнхард не мог просто «перепутать» факты. Перед нами репрезентация власти, которая намеренно делает из Карла Великого непобедимого воителя и неудержимого завоевателя.

Похожие моменты мы обнаруживаем во всех анализируемых хрониках. Анализ позволил выделить важнейшие атрибуты власти, которые репрезентируются вербальными текстами: *воинственность, божественная*

поддержка, династическая преемственность, благочестие, верное и преданное окружение.

Вербальный текст имеет ряд преимуществ перед иконографическим текстом. В частности, посредством слова автор имеет возможность осуществить референцию к конкретному историческому деятелю: связать описание с конкретным правителем и передать индивидуальные особенности его личности, характера его правления. Такой фактический материал есть результат того, что вербальный язык обладает возможностью давать номинации объектам и свойствам физического мира. Забегая вперёд, заметим, что визуальный язык той эпохи не пользовался возможностями прямой номинации (портретным сходством).

«Жизнь Карла Великого» Эйнхарда демонстрирует нам сильного и отважного самодержца, который крепко держит всю полноту власти в своих руках. Однако раннее Средневековье психологически ещё не было готово к абсолютному характеру власти, поэтому правителю было необходимо демонстрировать, что в осуществлении власти участвует не он один. Этот момент приобщения к власти иллюстрируется Эйнхардом фактически одной репрезентацией – упоминанием о том, что Карл приглашал в свои купальни многих людей из своей свиты. Известно, что Карл активно вмешивался в дела Церкви и даже представил официальную точку зрения государства в споре иконоборцев и иконопочитателей. Однако в пространстве текста Эйнхарда он предстаёт как набожный и смиренный христианин. В целом, можно сказать, что Эйнхард описывает Карла как, главным образом, воина и завоевателя. Это объясняется тем фактом, что Карл выступил зачинателем династии и основным собирателем земель под властью Каролингов. Такой подход к интерпретации его фигуры нашёл отражение и в организации самого текста хроники, который наполовину состоит из описания военных походов Карла.

Образ преемника Карла Великого – Людовика Благочестивого – мы находим на страницах произведения Астронома «Деяния императора Людовика». Автор, будучи духовным лицом, предпочёл осветить именно эту сторону жизни своего героя. Этому способствовала и личная религиозность самого Людовика. Значительная часть хроники посвящена той поддержке, которую Людовик оказывал Церкви. Так, представлен полный список восстановленных им монастырей, подробно описана проведённая им реформа, затрагивающая монашеский устав. Напротив, его военная политика обозначена достаточно схематично. Астроном выстраивает образ своего героя, в основном, в рамках христианских идеалов. Неудачи Людовика объясняются происками Дьявола, его единственный недостаток – «чрезмерное милосердие», все беды и несчастья, выпавшие на долю императора, трактуются в рамках извечной борьбы Добра и Зла. И даже смерть Людовика Астроном описывает как схватку с Дьяволом, в которой император оказывается победителем.

После смерти Людовика государство переживало очень непростой период, ведь у его руля оказалось сразу три короля и два императора. Это

нелегкое время известно в историографии под именем войны трех братьев. Именно эти события оказываются в центре внимания ещё одного хрониста – Нитхарда, оставившего свои воспоминания в виде «Истории в четырех книгах». Перед автором стояла непростая задача. Как мы помним, главными атрибутами легитимности правления были воинственность, благочестие и, своего рода, семейственность – верность свои близким и своему окружению. И если для демонстрации военных качеств это время было идеальным, то оказаться благочестивым и любящим своих родственников правителем во время гражданской войны довольно непросто. С этой целью Нитхард всё время ставит своего героя в оборонительную позицию. Карл Лысый как будто и не ведёт войну, он всё время защищается, призывает своих братьев остановить кровопролитие, а в завоёванные города входит с религиозной процессией. Чтобы актуализировать связь Карла с династией, автор начинает рассказ о деде Карла Лысого – Карле Великом. Об отце же – Людовике Благочестивом – Нитхард говорит как будто нехотя. А семейное родство политических противников Карла Лысого с его предшественниками вообще им обходится стороной.

Как видно, авторы хроник для создания образа идеального короля активно пользовались следующими репрезентативными техниками: описывали исторический контекст правления и личностные атрибуты правителей. В описании контекста правления обязательно актуализировалась некоторая проблемная ситуация. Например, многочисленные претенденты на трон, сепаратистские настроения окраин, недовольство правлением среди представителей знати или Церкви. На фоне такого контекста возникал правитель, чьи качества соответствовали представителю Бога на земле. Интересно, что общим для всех хроник становится умалчивание о собственно государственной, законотворческой деятельности королей. О ней либо не говорится вообще, либо упоминается в двух-трех словах.

Анализ визуальных источников, на первый взгляд, обнаружил тот же, что и в вербальных текстах, набор атрибутов идеального правителя. Однако можно констатировать, что в актуализации идеи власти иконография, по сравнению с вербальными источниками, обладает иным спектром репрезентативных возможностей. Визуальные изображения правителей демонстрируют нам скорее их *собирательный* образ, лишённый всякой индивидуальности. Отсутствует даже намек на портретное сходство. Символическое, основанное на канонах изображение Карла Лысого может быть с легкостью соотнесено не только с Карлом Лысым, но и с другими «референтами»: Лотарем или Карлом Великим. Визуальный источник не может отобразить саму историю правления, в ходе которой происходила актуализация идея власти. Однако в книжных миниатюрах транслируется символическая идея власти как таковой. Главными инструментами создания образа короля в визуальной коммуникации выступают: *цветовая символика, композиционный акцент (сильная позиция текста), символические атрибуты короля (вещные знаки власти).*

На всех иллюстрациях мы видим *типичного* короля, восседающего на троне, облаченного в золото и пурпур, на его голове – корона, в руке – скипетр. Его фигура значительно превосходит остальных своими размерами и занимает сильную позицию текста – геометрический центр изображения. Вокруг короля – его подданные, позади трона – приближённые и/или телохранители. К голове короля протянута Длань Господня, что однозначно говорит о божественном расположении к королю.

С одной стороны, репрезентации в визуальной коммуникации имеют отчётливый *иконический* характер, позволяя зрителю опознавать короля, трон, предметы власти и др. Но одновременно, иконический знак не соотносится с конкретным индивидом (именно *этим* королём, именно *этим* троном). Возникает интересная семиотическая ситуация: иконический знак, позволяющий опознавать представителя власти и власть как таковую (икона-схема), далее начинает транслировать символические значения, т.е. балансировать между иконизмом и символизмом, превращаясь в знак сложной природы. Так, божественный перст на миниатюрах не просто указывает на конкретного короля, но говорит о богоизбранности власти как таковой.

Оба типа источников (вербальные и визуальные) активно использовались в политическом дискурсе Средневековья. Можно говорить о том, что эта эпоха использовала в репрезентации власти вербальный и визуальный коды по принципу дополнительности. Контаминация указанных языков культуры объясняется как сложностью и неоднозначностью самой идеи власти, так и сложностью процесса её трансляции. Ни одно явление культуры не может быть исчерпывающим образом описано на каком-либо одном языке семиосферы. Чтобы быть максимально явленной и актуализированной, власть обращается к различным языкам культуры, на которых создается её образ. Этот тезис кажется вполне самоочевидным. Однако сочетание языков является непростой задачей, как для авторов, так и для исследователей.

В случае с визуальными изображениями Средних веков мы видим, что их целью не являлось отображение и документирование конкретных событий. Чаще всего изображалась традиционная сцена – король на троне. Значительно реже – реальное событие, к примеру, поднесение рукописи. Восприятие визуальных текстов отталкивается от иконического образа, но сразу же отклоняется в сферу символических значений. В этом случае, как отмечает А. Грабар, «общая идея передавалась сценой исторического порядка»⁶. Зачастую речь не шла ни о каком портретном сходстве или просто попытке его обозначить, что тоже целиком укладывалось в представления того времени о власти и способах ее репрезентации. Ведь император не мыслился вне своего титула, и, значит, «главная задача портрета – показать,

⁶ Грабар А. Император в византийском искусстве. – М., 2000, с. 27.

что некий человек действительно является императором со всеми необходимыми чертами, манерами, жестами и регалиями»⁷.

Идентифицировать персону изображаемого монарха, точно определить его человеческие качества, объяснить его поступки – это уже задача вербальных репрезентаций. В тексте Нитхарда мы постоянно сталкиваемся с попытками автора представить своего героя именно как человека, любящего брата, заботливого господина. Постоянно упоминается его религиозность и оборонительная позиция в гражданской войне. Таким образом, через вербальные репрезентации идеальный, но внеличностный (т.е. бездушный) образ власти, который мы находим в визуальных текстах, наполняется конкретным содержанием. Именно так между строк постепенно проявляется «лицо» власти.

Та же семиотическая неоднозначность отмечается нами и по отношению к вербальным хроникам. С одной стороны, вербальные источники направлены на фактографирование власти, с другой, и они не лишены символизирующей составляющей. Так, описание военных походов в любой хронике – это и историческая справка, и обязательная характеристика короля как завоевателя. Любое упоминание о посещении королем церкви становится не просто биографическим фактом, знаком его королевского достоинства.

В выводах по третьей главе отмечается, что визуальные репрезентации концептуализируют само понятие власти в разделяемых обществом символах. Вербальные же репрезентации осуществляют локализацию власти относительно конкретного человека. При этом следует учитывать, что в обоих случаях отображается один и тот же собирательный образ идеальной власти.

В заключении диссертации подводятся итоги исследования и формулируются следующие выводы.

Во всех исторических эпохах феномен власти обладает символическим основанием, на фундаменте которого базируется представление о легитимности власти в данной культуре. В различные эпохи таким фундаментом становились философия, религия, конституция и т.д. С помощью дискурса-анализа становится возможным анализировать феномен власти внутри культурных контекстов.

В структуре любого текста заложен определённый алгоритм, который обеспечивает «доступность» абстрактных представлений (концептов) интерпретатору. Согласно У. Эко, текст, «будучи вербальной структурой, способен наглядно представлять вещи». В контексте этого положения тексты, создаваемые историками, художниками, поэтами, способны репрезентировать представления о власти, существующие в определённой пространственно-временной точке мира.

В эпоху раннего Средневековья трансляция идеи власти происходила с использованием сложных семиотических «технологий». В силу

⁷ Там же. – с. 34.

ограниченных возможностей каждого языка культуры, феномен власти актуализировался посредством языков различной семиотической природы. Вербальные хроники были направлены на фактографирование власти (индексальный способ трансляции идеи), давали описание деяний правителя (иконизм), но также не были лишены символизации власти. Визуальные источники балансировали между иконической типизацией (изображениями правителя как такового) и символизацией власти. Сложный семиотический код, использовавшийся в эпоху раннего Средневековья, позволил создавать многочисленные репрезентации идеи власти.

Вербальный язык исторических хроник обладает уникальной возможностью детализации образа правителя. С его помощью осуществляется как передача конкретной информации, так и соотнесение конкретного короля с представлениями об идеальном правителе. Таким образом, исторические хроники становились не только источником знаний, но и важным инструментом консолидации политической группы.

Язык визуальной коммуникации отличается более высокой степенью символичности. На языке книжных миниатюр создавался абстрактный, обобщенный образ идеального правителя и власти как таковой, имеющей божественное происхождение. Текстам средневековых историков, а также визуальным текстам, присущ стабильный набор репрезентаций, отображающих типичные для этого общества представления о власти. Узнаваемость репрезентаций обусловлена, прежде всего, воспроизведением семиотического способа отображения (символизация, иконизм).

В истории культуры центральную зону концептуального представления о власти занимают, по крайней мере, три множества значений: а) сила и подавление; б) контроль, организация и сохранение целостности общества; в) моральное право осуществлять власть. Особенность каждого отдельного периода культуры будет определяться тем, какое из множеств займёт лидирующую позицию. Основанием представлений о легитимности власти в раннем Средневековье стал синтез христианских добродетелей и традиционных германских ценностей. Идеальным правителем становился, таким образом, отважный воин, завоеватель, который заботится не только о своих землях, но и о душах своих подданных, поддерживает Церковь и отличается религиозным и семейным благочестием.

Работа, посвящённая проблеме репрезентации власти в культуре, неизбежно выходит на вопрос о тождественности интерпретации одних и тех же текстов в разные эпохи. Поскольку человек Средневековья и современный исследователь помещены в разные исторические и культурные дискурсы, трудно допустить, что интерпретации, казалось бы, одних и тех же текстовых репрезентаций власти совпадают у непосредственного носителя средневековой культуры и человека XXI века.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Бразговский Ф.С. Репрезентация власти в «Жизни Карла Великого» Эйнхарда // Семиозис и культура: от реальности к тексту – от текста к реальности: сборник научных статей. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2011. – с. 231–236 (0,4 п.л.).

2. Бразговский Ф.С. Контаминация вербального и визуального языков в репрезентации власти // Семиозис и культура: лабиринты смысла: Коллективная монография. – Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. – с. 100–110 (0,8 п.л.).

3. Бразговский Ф.С. Анализ репрезентаций в историографических источниках // Слово и текст в культурном сознании эпохи: Сборник научных трудов. Часть 8. – Вологда: Легия, 2011. – с. 225–230 (0,5 п.л.).

4. Бразговский Ф.С. Дискурс-анализ и репрезентация власти в Средние века // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия Философия. Научный журнал. – СПб, 2011. №4. – с. 81 – 90 (0,7 п.л.).

5. Бразговский Ф.С. Символические репрезентации власти в образовательном дискурсе // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – СПб: Изд-во РХГА, 2012. Том 13. Вып. 1. – с. 206 – 216 (0,7 п.л.).

6. Бразговский Ф.С. Визуальные изображения как инструмент репрезентации власти // Диалоги об искусстве. Сб. статей. Пермь: Перм. гос. институт искусства и культуры, 2012. – с. 206–215 (0,8 п.л.).

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЦНИТ «АСТЕРИОН»

Заказ № 097. Подписано в печать 23.04.2013 г. Бумага офсетная

Формат 60х84¹/₁₆. Объем 1,25 п.л. Тираж 150 экз.

Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,

тел./факс (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70

asterion@asterion.ru